

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК КОМПОНЕНТ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

В статье рассматриваются основные направления изучения в современной историографии проблемы формирования «нового человека» в раннесоветском обществе. Характеризуются исследования, рассматривающие доктринальные, дискурсивные, а также прагматические аспекты проблемы. Подчеркивается распространение подхода к анализу феномена как компонента революционного советского проекта, с учетом природы и особенностей социального проектирования и социального инжиниринга в раннесоветский период. Показана тенденция к осмыслению советского проекта по созданию «нового человека» в общеевропейском контексте, как одного из вариантов социального конструирования эпохи «модернити». Рассмотрены работы, характеризующие реальные процессы трансформации сознания и поведения советских людей, акцентированы источниковедческие проблемы и значимые выводы данных исследований.

Ключевые слова: Историография, раннесоветское общество, новый человек, социальное проектирование, социальный инжиниринг, сознание, поведение.

Задача переделки сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека была важной составляющей большевистского проекта по созданию нового мира. Она являлась в определенном смысле центральной, рассматривалась как конечная цель преобразований, поскольку всестороннее, свободное развитие человека, согласно марксизму, являлось высшей целью коммунистического общества [Маркс, Энгельс, с. 447]. Главным условием

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

преобразования человека считалась коренная трансформация социально-экономического базиса, создающая предпосылки для изменения всей общественной системы, формирования «нового человеческого материала» [Энгельс, с. 334–335; Ленин, Проект Программы, с. 204].

Проблематика предпосылок, путей и результатов реализации советского революционного проекта создания нового человека стала предметом осмысления в современной историографии. Методологическим основанием исследований данной темы во все возрастающей степени становится историческая компаративистика, «вписывание» большевистской Революции и ее преобразований в общеевропейский контекст, порожденный формированием на рубеже XIX–XX вв. индустриальных обществ и процессами общеевропейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг. [Holquist; Sanborn; Большакова]. Применительно к рассматриваемой проблеме этот подход позволил выявить общие предпосылки проектов создания «нового человека» в эпоху «модернити», проводить их сравнительные исследования [Fritzsche, Hellbeck; Hoffmann, 1994, 2003; Холквист, 2001].

Историки справедливо указывают на то, что проект формирования более совершенного человека зародился в рамках идеологии Просвещения, получил новое дыхание в индустриальном XIX в. и важнейший импульс в годы Первой мировой войны [Fritzsche, Hellbeck, p. 304; Hoffmann, 2003, p. 4; Холквист, 2001, с. 47–93]. Исследователи особо подчеркивают роль XIX в. в его эволюции, когда в Европе зародились антикапиталистические идеи социализма, стремление создать справедливое общество, где будут доминировать духовные ценности, а не материальные интересы и формальное право [Fritzsche, Hellbeck, p. 304; Hoffmann, 2003, p. 4].

Важная роль Первой мировой войны в рассматриваемом процессе связывается с ускорением распространения под влиянием ее опыта новых представлений о роли и возможностях государства в деле «переделки» сознания и поведения человека. Так, П. Холквист обосновал важный тезис о

том, что тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением [Холквист, 1999, с. 84]. Он обращает внимание на то, что во всех странах, включая Россию, в результате войны изменились функции надзора за населением. Он стал предназначаться не просто для выявления мнений и настроений, как не сводиться и к контролю над населением. Вся его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей, изменить их. Во всех странах появились идеи создания более совершенного общества при одновременном превращении образующего это общество человеческого материала в более эмансипированных, сознательных и вообще лучших индивидуумов, то есть в создании «нового человека» [Холквист, 2001, с. 47].

Компаративный подход и вписывание в общеевропейскую перспективу дали возможность сделать важный в концептуальном отношении вывод о том, что большевистский проект был одним из вариантов конструирования альтернативной, анти-либеральной современности (modernity), в рамках которого новый человек должен был быть создан с помощью научных и рациональных методов, на основе базовых положений теории прогресса [Fritzsche, Hellbeck, p. 301].

Марксистская интерпретация теории прогресса имела ряд особенностей, повлиявших на общее видение перспектив и представления большевиков о методах осуществления проекта «новый человек». Трудности и проблемы, порожденные состоянием «объекта» социального конструирования, – человека и общества советской России конца 1910-х – начала 1920-х гг., вышедшей из горнила мировой войны и не имевшей достаточных культурных предпосылок для социализма, осознавались Лениным и другими теоретиками большевистского государства. Маркс и Энгельс не детализировали методы создания «нового человека», ограничиваясь утверждениями о том, что «общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого

производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их» [Энгельс, с. 334–335]. В то же время Ленин, руководя на практике преобразованиями в первые годы после Революции, сформулировал ряд положений, ставших базовыми для большевистской политики. В качестве главной из них, применительно к рассматриваемой проблеме, выступает идея «воспитания» масс. Подготовка всесторонне развитых людей, по Ленину, – это цель, к которой коммунизм придет через долгий ряд лет, «пытаться сегодня, – писал он в 1920 г., практически предвосхитить этот грядущий результат вполне ... созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике» [Ленин, Детская болезнь, с. 33]. Таким образом, на повестку дня лидер большевиков ставил более конкретные и прагматичные задачи «воспитания» трудящихся в интересах строительства социализма. «Мы на марксистской программе воспитали партию пролетариата, – писал он, – и так же надо воспитать те десятки миллионов трудящихся, которые у нас есть» [Ленин, Заключительное слово, 1919, с. 180]. Ленин обосновал, применительно к российским условиям, задачу конструирования нового типа человека – советского человека, разделяющего социалистические/коммунистические ценности (противопоставлявшиеся буржуазным и мелкобуржуазным), активно и сознательно участвующего в государственных делах. «Государство сильно сознательностью масс, – писал он. – Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [Ленин, Заключительное слово, 1917, с. 21].

В работах историков присутствуют интерпретации связи между установкой власти на «воспитание»/переделку масс и огромной ролью системы образования и пропаганды, а также различных форм и методов управления сознанием и поведением людей. В современной историографии они осмысливаются в более широком проблемном контексте, связанном с анализом механизмов взаимодействия власти и общества в раннесоветский период. Для их характеристики используется термин «социальная

мобилизация», который определяется как «целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством» [Социальная мобилизация в сталинском обществе, с. 5]. С использованием данного концепта авторы изучают, в частности, механизмы процесса формирования нового человека, рассматривая социальную мобилизацию как главный инструмент, используемый властью для его реализации. Так, О. В. Великанова подчеркнула, что большевистская политика мобилизации была инструментом амбициозного проекта социальной трансформации, осуществляемого посредством «повышения сознательности масс». Целью его, как отмечает автор, было вовлечение населения в эпохальные дела советского государства, максимальное использование всех ресурсов страны в интересах социалистической реконструкции. Средством реализации цели стало превращение мужчин и женщин в «новую породу людей». Помимо образования и пропаганды, способом реализации данной задачи стало обязательное участие населения в ритуалах и политических акциях: митингах, демонстрациях, парадах, празднованиях, спектаклях, поминовениях, играх, сборах пожертвований и т.д. Великанова пришла к заключению, что мобилизационная модель была характерна и для массовых представлений людей в СССР [Velikanova, p. 4]. П. Холквист отмечает, что социальная мобилизация была не просто инструментом, одним из ресурсов, а краеугольным камнем развития советского общества, строилась на уверенности большевистской власти в реальности коренной переделки общества и людей [Холквист, 2001, с. 69–72].

В историографии активно изучаются практики социального инжиниринга в постреволюционной России, исследуются роль в этом

процессе пропаганды, его влияние на конструирование идентичности, обеспечение социальной поддержки режима, его легитимизацию. [Kenez, Holquist; Sanborn, Hoffmann, Fitzpatric, Ludtke; Кур-Королев, 2011 и др.]. К. Кур-Королев, изучив процесс формирования советской молодежи и практики социальной инженерии, обосновывает инструментальное значение концепта «новый человек»: «Топос нового человека являлся важной частью коммунистической идеологии, оказывал стабилизирующее влияние на систему и предлагал новые возможности для самоидентификации. В то же время он был вписан в советский воспитательный дискурс, а также в дискурс социального дисциплинирования... Партийное руководство СССР использовало мечту о новом человеке для того, чтобы создать продуктивного, стандартного советского человека [Кур-Королев, 2011, с. 376]. Она пришла к выводу, что идеи нового человека нашли отклик прежде всего среди молодого поколения, их отзвуки «нашли отклик среди молодых людей благодаря литературе, газетам, плакатам, поэзии, песням. Семена этих идей упали на плодородную почву, ибо были созвучны духу времени и жизненным ощущениям нового поколения» [Кур-Королев, 2011, с. 374–375].

Ш. Фитцпатрик и А. Людтке подчеркивают мобилизующую роль и силу данного мифа: «в Советском Союзе идеалистические надежды на обновление общества и превращение индивидуального гражданина в «нового мужчину» или «новую женщину» впечатляли современников внутри страны и за ее пределами, а энтузиазм в наибольшей степени проявлялся среди молодежи» [Fitzpatric, Ludtke, p. 270–271]. Они отмечают, что стремление лишенцев и других исключенных из числа советских граждан людей заслужить доверие режима, проявив двойные усилия и энтузиазм в социалистическом строительстве, доказывают действенность советского “remaking myth”, т.е. концепции преобразования мира и человека [Там же, p. 281]. П. Фритцше и Й. Хелльбек также обосновывают функциональность и силу идеи нового человека, делая заключение: «Как идеологический конструкт новый человек был существенным компонентом революционного

советского проекта и изобретением, использованным революционным режимом в целях самолегитимизации» [Fritzsche, Hellbeck, p. 322].

Благодаря современным исследованиям стало очевидным, что формирование «нового человека» базировалось на моделировании сознания и поведения людей через различные формы и способы его «большевизации». Значимая заслуга в изучении «обращения в большевизм» принадлежит С. В. Ярову, исследовавшему властные и низовые практики, порождавшие «нового человека», его сценарии, язык и ритуалы, процесс «конформизации» масс [Яров, 2006, 2014]. Яров изучил роль системы идеологического воздействия, различных структур аргументации, политического контроля, политизации повседневного языка и досуга, «конформистские лаборатории» выработки новых автоматизмов мышления и поведения, в работу которых были вовлечены как организаторы, так и сами объекты партийно-государственного воздействия.

Особое направление исследований нацелено на выявление роли политики символов в процессе формирования «нового человека». Оно связано с изучением конструирования «революционного» символического пространства, новой праздничной культуры, политических ритуалов, монументальной пропаганды, преобразования социопространственной структуры и их влияния на процесс внутренней советизации людей [Мальшева; Рольф, 2009, 2011; Колоницкий, 2012; Барышева; Алексеев, и др.). Один из авторитетных представителей данного направления, М. Рольф, пришел к выводу, что «политика символов обеспечивала основу для «позитивного», эмоционального отождествления людьми самих себя с системой власти», внутренней советизации [Рольф, 2011, с. 410, 414].

Признавая смену моделей и методов преобразований в раннесоветский период, историки выделяют и анализируют особенности этапов реализации проекта «новый человек». Так, П. Фритцше и Й. Хелльбек на основе определения господствующего дискурса и методов социального инжиниринга разделяют период 1917–1930-х гг. на два этапа: первое

десятилетие советской власти, «богатое на осмысление и экспериментирование в связи с новым человеком», и собственно сталинский период (конец 1920-х – 1930-е гг.). Первая, экспериментальная, фаза, как пишут авторы, была связана с поисками идеализированного пролетарского субъекта, использованием возможностей индустриальных технологий и научной организации коллективного труда для его формирования. Второй этап, начавшийся после великого перелома, привел к появлению и утверждению «более гуманистической концепции нового человека». Суть изменений в практике социального инжиниринга состояла в том, что антропологический идеал сталинского государства был сфокусирован на индивидуальном (воля, героизм и т.п.) больше, чем на коллективном, реабилитировал индивидуальную душу как источник сознательной воли [Fritzsche, Hellbeck, p. 315–317]. Апелляция к индивидуальному сознанию и силе воли, – пишут авторы, – была инновацией сталинизма и означала резкий разрыв с механистическими идеалами человека 1920-х гг. [Там же, p. 318]. Д. Хоффманн также разделяет период 1917–1920-х гг., для которого, как он отмечает, были характерны радикальные культурные установки и социальное экспериментирование, и конец 1920-х – 1930-е гг., когда уже к середине 1930-х гг. произошел отказ большевиков от этой политики и возвращение к традиционным ценностям, нормам и прочному социальному порядку. Однако автор не считает этот поворот возвращением к традиционализму, полагая, что методы и направленность преобразования сознания и поведения, использовавшиеся в Советской России, имели в большой степени общеевропейский характер, хотя и отражали российскую специфику. Хоффманн утверждает, что сталинская пропаганда использовала некоторые традиционные институты и установки, но делала это для совершенно иных, модернизированных мобилизационных целей [Hoffmann, 2003, p. 4–8].

С. В. Яров дает более дробную периодизацию рассматриваемого им периода, выделяя во властных и низовых практиках большевизации людей два этапа: «героическую эпоху» революции и гражданской войны (1917–1920

гг.), для которой, по его оценке, был характерен лавинообразный рост проявлений политического фундаментализма, и период НЭПа, когда произошла коренная перестройка и разветвление систем идеологического воздействия на массы, связанная с боязнью капиталистической реставрации [Яров, 2006, с. 10–11, 19].

Помимо доктринального, дискурсивного в историографии рассматривается прагматический аспект формирования нового человека в советской России, как исторического процесса изменения сознания и поведения людей. Он воплощается в исследовании практики, методов, проблем и трудностей преобразований, реального состояния общественного сознания, поведения и образа жизни людей. Изучается восприятие населением политики большевиков, отношение разных его слоев к власти и формы взаимодействия с ней, позволяющие оценить результаты и эффективность реализации социального проекта «новый человек». С этой целью исследователи привлекают разнообразные источники, среди которых первостепенное значение имеют эго-документы, источники личного происхождения, а также информационно-аналитические материалы органов, осуществлявших контроль над настроениями населения.

Особое направление в историографии составили исследования, основанные на вовлечении в научный оборот огромного массива «писем во власть». Методика работы с письмами во власть получила серьезное обоснование в отечественной и зарубежной историографии, однако многие ее аспекты остаются дискуссионными [Fitzpatrick, 1996, p. 78–105; Siegelbaum, Sokolov, p. 9–10; Лившин, с. 41–47; Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны, с. 5–6]. В большинстве современных работ, посвященных анализу массового сознания населения с привлечением писем во власть, сводок ОГПУ и партийных органов, отмечается, что проблема измерения частоты встречаемости тех или иных представлений остается сложно решаемой и наиболее адекватными являются качественные, а не количественные методы [Siegelbaum, Sokolov, p. 9–10; Лившин, с. 45–47;

Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны, с. 6; Velikanova, p. 18]. Другая трудность связана с возможностями адекватной оценки полноты и репрезентативности информации источников. О. В. Великанова отмечает, что сводки ВЧК-ГПУ-НКВД и партийных органов о настроениях населения не представляют полной картины, так как в первом случае составители фокусировали внимание на негативных настроениях, угрожавших режиму, несли отпечаток личности составителя, а во втором, наоборот, приукрашивали ее, так как присутствие члена партии часто заставляло людей корректировать свои высказывания, а секретарь парторганизации нес ответственность за состояние партколлектива. Наиболее достоверными, по мнению исследователя, являются сводки высказываний в перлюстрированных частных письмах. Иногда они сопровождались подсчетами, произведенными самими цензорами, однако такие подсчеты крайне редки [Великанова, с. 177–178; Velikanova, p. 18].

А. Лившин, также отмечая ограниченность разного рода сводок как источников изучения массовых настроений, настаивает на исследовании самих писем во власть, отложившихся в архивах, и предлагает в качестве основной методики их изучения «интегрированный метод обобщения на основе фрагментированных свидетельств, выделение критериев репрезентативности источников и типичности высказанных в письмах мнений» [Лившин, с. 47]. Автор обратился к анализу впечатляющего массива писем, нацеленного на выявление наиболее типичных мнений, суждений, ситуаций и стратегий апеллирования во власть. Это осуществлялось на основе их интерпретации в широком источниковом контексте с использованием метода «максимизации возможностей вспомогательных доказательств» [Там же, с. 48], в частности, привлечения данных сводок органов политического контроля и других документов. О. В. Великанова справедливо обращает внимание на необходимость использования многочисленных альтернативных источников, «перекрестных свидетельств». Тот факт, что они сообщают о том же самом спектре мнений, говорит в

пользу их аутентичности и возможности «осторожных обобщений», в том числе о распространенности того или иного тренда в массовом умысле [Velikanova, p. 18–19].

Особенно важным в источниковедческом отношении нам представляется замечание Великановой о том, что методология постмодернизма ориентирует исследователей на чтение источников как «текстов», открытых для интерпретации, и нуждающихся в деконструкции, во имя выявления их скрытых смыслов. Этот подход, по мнению автора, определяется тем, что советский человек представлял собой многомерную сущность, для него были характерны неоднозначность, дуализм мышления, сосуществовавшие в одном индивиду. Последнее, в свою очередь, было обусловлено свойствами самой реальности, противоречием между обещаниями власти, широко декларируемыми целями социализма и реальным, повседневным опытом людей. Если первое находило поддержку, то второе рождало критицизм [Velikanova, p. 7–8].

А. Лившин, изучивший общественные настроения и политические эмоции в Советской России в 1917–1932 гг., отмечал, что этот период является примером чередования ряда моделей взаимоотношений власти и общества. Он выделил три таких модели, которым, по его мнению, соответствовало и особое состояние массового сознания. Это были годы революции и гражданской войны (1917–1920), НЭП (1921–1928) и период «великого перелома» (1929–1932). Автор отмечает, что «новояз», специфический «советский язык», применительно к сфере взаимоотношений власти и общества («зажимание критики», нарушение советской демократии» и т.п.) в рядовых письмах с мест в 1920-е гг. практически не использовался, в то время как в 1930-е гг. он густо пропитывает речевой поток граждан, в том числе колхозников. [Лившин, с. 111]. Это важное замечание говорит об определенной результативности политики большевизации сознания людей к началу 1930-х гг., а также укоренении практик конформизма. Однако общий вывод исследования автора важен с точки зрения понимания пределов

социального проектирования. Он пишет: «...можно сделать вывод, что государство далеко не полностью контролировало общественные настроения, а тотальная манипулируемость масс в послереволюционную эпоху является мифом» [Там же, с. 308].

Проблемы, противоречия и пределы социального инжиниринга анализируются и в других исследованиях. Д. Хоффман показывает трудности в воспитании «новых рабочих» и «новых горожан», с которыми столкнулась власть в 1930-е гг.: несмотря на огромные ресурсы и концентрацию власти, элита скоро почувствовала ограничения в реализации социальных трансформаций: новые горожане находили способы сопротивляться официальным попыткам определять их идентичность и поведение. Мигранты принесли в города традиции и крестьянскую культуру пассивного сопротивления, способную снизить эффективность действий властей по осуществлению социального контроля [Hoffmann, 1994, p. 11]. Исследования Осокиной, изучавшей повседневное экономическое поведение советских граждан [Осокина, 1999, 2011], которое она рассматривает как форму социального иммунитета, подтверждают возможности их «уклонения» от вездесущего государственного воздействия и контроля. Она заключает: «Документы, которые наконец-то увидели свет, свидетельствовали о том, что тотальный государственный контроль и бездействующее, равно как и единодушное в своей поддержке режима общество оказались мифами. Общество при Сталине жило активной, разнообразной и относительно независимой жизнью» [Осокина, 2011, с. 391].

Историки, изучающие феномен «внутренней эмиграции» в 1917–1930-е гг., также пришли к выводу о пределах социального контроля и манипулирования сознанием людей в этот период. О. В. Будницкий и Г. С. Зеленина отмечают, что, несмотря на массовые репрессии и жесткий идеологический контроль, советской власти не удалось выявить всех своих противников. В СССР существовал слой людей, не принимавших советского

режима, его идеологии, обычаев, мечтавших о его крахе [Будницкий, Зеленина, с. 8].

Популярность гендерных исследований определила появление целого пласта литературы о формировании «новой женщины», преобразованиях в сфере семейных отношений, сексуальности, быта в постреволюционной России [Stites; Clements; Wood; Пушкарева и др.]. Не ставя задачи их специального анализа, отметим ряд принципиальных моментов, характеризующих историографический консенсус в этом вопросе. Авторы выделяют два периода в реализации проекта «новая женщина», совпадающие в целом с периодизацией более общего проекта «новый человек». Это 1917–1920-е гг., когда осуществлялось широкое экспериментирование в сфере гендерных и семейных отношений, и 1929–1930-е гг., когда произошел определенный возврат к традиционным ценностям и в то же время началась масштабная экономическая мобилизация женщин. Исследователи признают изначальную противоречивость политики формирования «новой женщины», для которой были характерны соединение рационалистических установок и практик эпохи модерна, широких, закрепленных в законодательстве, свобод, с идеологическим, политическим программированием гендерных ролей, классовыми ограничениями, консерватизмом элит и масс. Третий, важнейший аспект – признание колоссальных трудностей и проблем, связанных с практической реализацией политики формирования «новой женщины», обусловленных стойкостью консервативно-патриархальных традиций во всех слоях общества, сохранением экономических основ неравенства, неразвитостью социальной сферы.

Таким образом, в современной историографии исследуются как деятельность субъектов (партийных, государственных структур, общественных организаций, теоретиков и идеологов) властного большевистского конструирования «нового человека», так и сам объект – население советской России, его слои и группы – «человеческий материал», предназначенный для переделки, реальное состояние его сознания и

поведения. Последние, как показано в исследованиях, не только подвергались целенаправленному воздействию власти и доминирующего дискурса в процессе социального проектирования, но и участвовали в той или иной форме, вынужденно или добровольно, в реализации проекта. При этом труды по теме позволяют сделать вывод о разной динамике процессов властного проектирования, с одной стороны, и реального преобразования сознания и поведения людей, – с другой, а также об очевидных пределах возможностей социального инжиниринга в раннесоветском обществе.

Алексеев Е. «Звучание тишины»: контрасты и парадоксы сталинской эпохи в газетной графике // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 83–108.

Барышева Е. В. Праздничное убранство советских городов 1920–1930-х гг. // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 3 (52). С. 23–32.

Большакова О. Долгое возвращение в Европу: Изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Российская история*. 2014. № 5. С. 26–35.

Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 2014. С. 4–62.

Великанова О. В. Образ Ленина в массовом сознании // *Отечественная история*. 1994. № 2. С. 177–178.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. 336 с.

Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // *История сталинизма: итоги и проблемы изучения*. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 372–377.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) // *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* 5-е изд. М., 1969. Т. 41. С. 1–104.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25-26 октября 1917 г.] // Там же. Т. 35. С. 19–22.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП (б) 18-23 марта 1919 г.] // Там же. Т. 38. С. 174–184.

Ленин В.И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Там же. Т. 6. С. 203–210.

Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010.

Мальшиева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.

Маркс К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, Второе издание. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.

Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 387–406.

Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г). Сборник документов / Сост. В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акопян. М., 2015. С. 204–225.

Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

Рольф М. Изучение сталинского государства пропаганды: культурные представления, обычаи и заимствования при сталинизме // История

сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 407–421.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х–1930-е гг.): Коллективная монография / Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер; Новосибирск, 2013.

Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45–93.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Второе издание. М., 1955. Т. 4. С. 322–339.

Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014.

Barbara Evans Clements. Bolshevik women. Cambridge, 1997.

Fitzpatrick Sh., Ludtke Alf. Energizing the Everyday: On the Breaking and Making of Social Bonds in Nazism and Stalinism // Michael Geyer, Sh. Fitzpatrick. Beyond Totalitarianism/ Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. P. 266–301.

Fitzpatrick, Sh. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s Slavic Review, Vol. 55, No. 1 (Spring, 1996). P. 78–105.

Fritzsche Peter, Hellbeck Jochen. The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany // Michael Geyer, Sh. Fitzpatrick. Beyond Totalitarianism/ Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. P. 301–341.

Hoffmann, David L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929-1941. Ithaca and London, 1994.

Hoffmann, David L. Stalinist Values. The Cultural Norms of the Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca and London, 2003.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., London, 2002.

Kenez, P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of the Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.

Siegelbaum Lewis, Sokolov Andrei. Stalinism as a Way of Life. Yale University Press. New Haven and London, 2000.

Stites, Richard. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978.

Velikanova, O. V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

Wood, Elizabeth. The baba and the comrade: gender and politics in revolutionary Russia. Bloomington, Ind.;; Indiana U.P., 1997.